

— Господин Фань, почему вы смеётесь?

Хайтан задала вполне предсказуемый вопрос. Фань Сянь откашлялся и, улыбаясь во всё лицо, объяснил:

— Мне очень нравится, как вы ходите, барышня.

Хайтан была ошарашена, и её глаза гневно сверкнули.

Фань Сянь поспешно добавил:

— Да покарают меня Небо и Земля, если я обманываю.

Клятва была настолько страстной, что Хайтан не могла не поверить ей. Однако она по-прежнему не понимала, почему её походка, которую много лет высмеивали придворные, понравилась молодому парню, идущему за ней? Подумав о бесстыдных приёмчиках Фань Сяня на берегу Северного моря, барышня Хайтан смутилась ещё больше.

Между ними снова установилось молчание, и они шли к выходу из дворца среди зелёных деревьев и чёрных крыш, раскинувшихся по всей горе. Хайтан действительно обладала высоким положением в Северной Ци: все встречные евнухи и служанки, слышав мягкие шаги её тряпичных туфель, тут же отходили на обочину, под деревья, и отвечивали этой ленивой деревенской девушке почтительные поклоны, не смея поднять взгляд.

— Его величество благоволит мне, оттого я немного в смятении, — наконец осторожно начал прощупывать почву Фань Сянь.

— Молодой господин Фань, почему вы сомневаетесь в себе? — Хайтан безразлично продолжила: — Его величество больше всего любит поэзию, и, когда «Сборник кабинета полупраздности» вышел и попал в руки учёным всего мира, его величество не стал исключением. После возвращения Чжуан Моханя из Южной Ци в столицу его величество долго беседовал с ним во дворце, и с того дня имя молодого господина Фаня всегда было у него на устах. Его величество часто говорил, что было бы прекрасно, если бы в Северной Ци был такой гениальный поэт, как господин Фань, и много сожалел об его отсутствии. Теперь, когда молодой господин сопровождает Сяо Эня обратно в столицу и наши страны снова противостоят друг другу, его величество, естественно, беспокоится о вашей безопасности, господин Фань.

Фань Сянь промолчал, только сейчас поняв, что между ним и молодым императором, которого он никогда не видел, уже произошла такая история. Просто у него беспокойство было написано на лбу; видимо, император хотел сказать ему что-то ещё, но во дворце повсюду глаза и уши, и он не стал говорить об этом в присутствии Хайтан — неизвестно о чём.

— А? Вот уж действительно неожиданно. — Фань Сянь слегка нахмурился, как будто не совсем

поверил ей.

Хайтан тихо сказала:

— Господин Фань, увидев сегодня дворец, лес и горы, не задумываясь заговорил о единстве природы и человека. Я в восхищении. В будущем, когда государственные дела будут закончены и у вас выдаться свободное время, надеюсь, вы удостоите меня советом. Мой наставник, изучив «Сборник кабинета полупраздности», помолчал несколько минут и осыпал вас похвалами. Я тогда немного удивилась, но после сегодняшнего разговора поняла, что ваша репутация заслуженная.

— Где уж там. — Собеседница говорила это довольно искренне, поэтому Фань Сянь ответил с ещё большей искренностью: — Барышня, пожалуйста, помогите мне с делом Янь Бинъюня.

— Я никогда не занимаюсь политикой, — мягко сказала Хайтан.

Фань Сянь слегка нахмурился и спросил:

— Тогда почему вы в одиночку отправились к Северному морю, чтобы убить Сяо Эня? Неужели вы не знаете, что, если Сяо Энь действительно умрёт, это сильно повлияет на последнее соглашение?

Хайтан улыбнулась и ответила:

— Кажется, вы, господин Фань, планировали убить Сяо Эня до того, как я начала действовать. Почему вы вдруг после передумали?

— Потому что меня тоже очень интересует секрет Сяо Эня. — Фань Сянь потёр слегка влажные ладони и, повернув голову, окинул взглядом пейзаж этого огромного дворцового комплекса.

Хайтан тихо сказала:

— Я хотела убить Сяо Эня, потому что его секрет создаст серьёзные проблемы многим людям.

Они оба, не сговариваясь, одновременно остановились под большим деревом, где зелёные листья над головой, словно полог, заслоняли солнце и укрывали их, создавая прохладу. Фань Сянь устался на спокойные, ровные плечи Хайтан и вдруг сказал:

— В этом мире нет вечных секретов.

— Из-за того, что Сяо Энь жив, вероятно, умрёт много людей.

Фань Сянь приподнял брови, зная, что беспричинное сострадание к людям его собеседницы может показаться бессмысленным во многих отношениях, но он не мог ничего изменить всего из-за нескольких слов.

— Его величество, кажется, хотел о чём-то попросить господина Фаня, — сказала Хайтан.

Фань Сянь был ошеломлён, когда понял, что она тоже это видела, и, немного подумав, искренне спросил:

— Возможно, барышня Хайтан может просветить меня?

Хайтан тихо ответила:

— Я сама не знаю, но, если это связано с Сы Лили, пожалуйста, господин Фань, сообщите мне.

Фань Сянь не сразу согласился, но впал в некоторые затруднения: какая помощь от него может понадобиться могущественному правителю государства? Неужели это действительно о Сы Лили? Но в Северной Ци у него нет ни людей, ни власти, так что же он может сделать?

— Лили бедная, но славная девочка. — Хайтан снова сунула обе руки в свои большие карманы и сказала: — Молодой господин Фань, помогите, если можете.

Фань Сянь подумал обо всём, что происходило в повозке, едущей на север, и на мгновение растерялся, не зная, что ответить. Так что они оба снова замолчали и медленно пошли вперёд. Свет и тени, образованные танцем зелёных листьев над их головами в свете полуденного солнца, падали на них, на светло-зелёные одежды и грубое цветастое платье.

Фань Сянь внезапно сделал несколько шагов вперёд и пошёл бок о бок с барышней Хайтан. Она повернула голову, взглянув на него, но ничего не сказала.

Фань Сянь постепенно отпустил свои мысли и, подражая манерам деревенской девушки, чуть приподнял подбородок и как-то лениво оглянулся. В его одеждах не было карманов, куда можно было бы сунуть руки, поэтому он сложил их за спиной, будто старый книжник, отклонился назад, расслабив все мышцы тела и позволив ногам, которые стали казаться чрезвычайно тяжёлыми, лениво тащить вот-вот готовое развалиться на части тело вперёд по мощёной камнем дороге.

Хайтан со сложным выражением лица снова оглянулась на него, словно не понимая, почему он решил подражать привычной для неё манере ходьбы.

Фань Сянь мило улыбался, будто не замечая её взгляда, и лениво шагал рядом с ней. Хайтан тоже больше неохота было обращать внимание на этого немощного бездельника, она слегка размяла шею, очень непринуждённо. Фань Сянь тоже потянулся и зевнул.

Время уже приближалось к полудню, палило солнце.

Шаги двух пар ног постепенно сливались в один звук, вызывая невольную сонливость. Фань Сянь и Хайтан вдвоём просто волокли ноги по дворцу и были очень похожи на пару ленивых крестьян, спешащих с поля домой, чтобы вздремнуть после обеда.

С кончика носа Хайтан стекла капля пота. В её заурядном облике было своё странное очарование.

— В противоядии, которое вы дали в прошлый раз, было слишком много мандариновой кожуры, на вкус горчило. — Барышню Хайтан разморило на солнце.

Фань Сянь улыбнулся, поняв, что она уже разглядела уловку, которую он применил в тот день, и тихо сказал:

— Я кандидат на пост главы Контрольной палаты, а не просветлённый, который ищет путь на небеса. Обманывать для меня обычное дело, барышня, не обижайтесь. Конечно, если вы действительно обиделись, вы можете дать мне... то же средство.

Эти слова были довольно наглыми, но Хайтан не была такой застенчивой, чтобы краснеть, как обычные женщины, и спокойно сказала:

— Если будет такая возможность, я ей воспользуюсь.

Фань Сянь даже вспотел, а затем услышал, как она добавила:

— Вы кандидат на пост главы Контрольной палаты, человек, который действует в темноте, так почему же после переезда из Даньчжоу в столицу государства Цин вы безудержно сияете? Вот как сейчас, идёте в лучах солнечного света.

— Ночь подарила мне чёрные глаза, но я должен использовать их, чтобы найти свет.

Фань Сянь продолжал заимствовать эффектные фразы у «земляков» по прошлому миру, даже несмотря на то, что этот умер никчёмным придурком\*. И действительно, Хайтан в удивлении обернулась: должно быть, её отношение к нему как-то поменялось незаметно для неё самой.

Фань Сянь с улыбкой продолжил:

— Конечно, ночь подарила мне чёрные глаза, но чаще всего я их просто закатываю при виде этого мира.

Барышня Хайтан наконец улыбнулась. Как говорится:

«Пусть в яблонях хайтан гора не выглядит изысканно,

Сквозь тын бамбуковый к себе улыбка поманит.

Раз во дворце, как и в горах, верна себе и искренна,

Не страшно, если упрекнут за деревенский вид».\*\*

\*\*\*

Выйдя из дворца, он перекинулся парой слов с Тигровой стражей и Ван Цинянем, которые уже успели заволноваться. В сопровождении императорской гвардии Северной Ци Фань Сянь, главный посланник Южной Цин, вернулся в поместье и, едва выйдя из повозки, немного удивился царящим там шуму и неразберихе.

Но когда он сделал пару шагов к главному входу в поместье и разглядел состояние внутреннего двора, он был просто потрясён.

Перед воротами сидели на корточках, собирая что-то, множество гвардейцев и стражников Северной Ци; каждый тащил за собой большой холщовый мешок, кидая туда то, что подбирали. Судя по тому, как они волокли мешки, вещи внутри были довольно тяжёлыми. Фань Сянь очень удивился и спросил Ван Циняня:

— Что происходит?

Ван Цинянь тоже был очень удивлён.

Только подойдя ближе, они поняли, что большая пустая площадка у входа в поместье заполнена всевозможными кинжалами — некоторые с ножнами, украшенными изумрудами, некоторые старые и простые, некоторые новомодные, а большей частью, конечно, кривые, которые предпочитали носить жители Северной Ци.

Фань Сянь только вздохнул и приказал:

— Скорее затаскивайте эти мешки внутрь. Раз их бросили перед нашими воротами, то даже если продать их как металлолом, мы уже обеспечим себя дополнительным заработком.

После времени, проведённого во дворце за любованием пейзажами, лёгкой болтовнёй и обучением деревенским манерам, он был в весьма добром расположении духа, поэтому его шутка отличалась изяществом, присущим Фань Сычжэ.

Ван Цинянь сказал с ухмылкой:

— Вы, господин, действительно в хорошем настроении, раз так шутите.

Фань Сянь беспомощно усмехнулся:

— Тогда что нам делать? Действительно поднимать все эти кинжалы?

С тех пор как Е Лин-эр, дочь генерала столичной стражи, кинула кинжал ему чуть ли не в нос, Фань Сянь узнал всё о правилах состязаний в боевых искусствах в этом мире. Кинжал кидали под ноги противнику, и если тот принимал вызов, то поднимал его.

— И полдня не прошло, почему так много людей уже затевают ссору? — спросил он, нахмурившись.

----

\* Фраза принадлежит поэту Гу Чэну (1956-1993).

\*\* \*\* Перевод стиха как всегда сделала замечательная Edheldhae.

<http://tl.rulate.ru/book/96718/3283280>